

УДК 81'373.47

ББК 81.03

Ш 47

Шеожева Б.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета, e-mail: daja@yandex.ru

Выражение коннотации в русском и адыгейском языках *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматривается не исследованная в грамматике адыгских языков проблема; отмечаются особенности выражения коннотации в адыгейском языке, обусловленные национальным менталитетом. Выявляются наиболее продуктивные средства выражения коннотации: ассоциативно-образный компонент в структуре значения слова, сложные слова, характеризующиеся высокой повторяемостью анафор с эмотивно-оценочным компонентом, суффиксы субъективной оценки. В результате установлено, что адыгейский язык не входит в число языков с богатым экспрессивным словообразованием, скорее, его следует отнести к «умеренным» языкам.

Ключевые слова:

Коннотация, экспрессивно-эмоционально-оценочный компонент значения слова, имена-пейоративы, имена-мелиоративы, суффиксы субъективной оценки.

Sheozheva B.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Russian Language Department, Adyghe State University, e-mail: daja@yandex.ru

Expression of connotation in Russian and Adyghe languages

Abstract:

This paper examines the unexplored problem in grammar of Circassian languages: features of expression of connotation in the Adyghe language due to national mentality. The author identifies the most productive means of expression of connotation: associative - image-bearing component in the structure of the word, compound words, characterized by high repeatability of anaphoras with emotive-evaluative component, as well as suffixes of subjective evaluation. As a result, it is inferred that the Adyghe language is not included in the number of languages with a rich expressive word formation, it should be classified as one of the «moderate» languages.

Keywords:

Connotation, expressive emotionally-evaluative component, the meaning of a word, names-pejoratives, names-melioratives, suffixes of subjective evaluation.

В современной лингвистике существуют многочисленные определения коннотации как на основе семантических свойств («созначение», «добавочное значение» и т.д.), так и с учетом системных свойств языкового выражения, проявляющихся в синонимии, антонимии, в принадлежности к определенным формам существования языка (литературной, диалектной и т.п.), или с учетом звуковой

оболочки выражения. Поэтому аспект исследования нуждается в уточнении.

Коннотация – это «дополнительное содержание слова, его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода *экспрессивно-эмоционально-оценочных* обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.» [1: 203-204].

Коннотация играет важную роль в системе языка: она способствует выявлению национально-культурных особенностей определенного этноса. Под национальной культурой в данном случае понимается совокупность общественных отношений и система нравственных ценностей, определяющих своеобразие нации, в частности, эмоциональную сдержанность, свойственную адыгам, что определяет особенности выражения коннотации в языке. По верному замечанию Н.И. Харраш, слова с коннотативным содержанием всегда апеллируют к некоторому опыту человека, который возникает в результате его воспитания в данной культуре, и несут дополнительную информацию «об отношении субъекта речи к адресату; о социальном статусе говорящего; о его социальной роли в ситуации общения» [2: 114].

В структуре коннотации ассоциативно-образный компонент выступает как основание оценочной квалификации и стилистической маркированности, связывая денотативное и коннотативное содержание языковой единицы. Последнее придает «суммарную» экспрессивную окраску всему выражению, в котором может доминировать: *образное* или *звуко-символичное* представление («жужжалка», «янтарная заря», «золотые лучи солнца»); *оценочная* квалификация – *эмоциональная* («солнышко», «хохотушка»), *качественная* («бурда», «чепуха»), *количественная* квалификация («носище», «стульчик», «столбик»); какой-либо из *стилистиче-*

ских регистров (офиц. или торжеств. «воздвигать» прост. «забулдыга»). В русском языке *узуальная коннотация* оформляется *суффиксами субъективной оценки*, *осознаваемой внутренней формой*, *звукоподражаниями*, *аллитерацией*, *экспрессивно окрашенными словами*.

Адыгейский язык не входит в число языков с богатым экспрессивным словообразованием, скорее, его следует отнести к «умеренным» языкам, по классификации А. Вежбицкой [3: 107]. Узуальная коннотация в адыгейском языке оформляется преимущественно *экспрессивно окрашенными словами*, *осознаваемой внутренней формой слова* и *суффиксами субъективной оценки*.

Наиболее продуктивный способ – использование *экспрессивно окрашенных слов*. Экспрессивность – изобразительность и выразительность мироотражения, образность представления знаний и чувств человека как художественное отражение явления действительности, бросающийся в глаза признак явления, облеченный в форму конкретного слова, например: *домбай* (в прямом значении «зубр») «излишне громоздкий», «плотный» «мужчина», *хьа* (собака) «эгоистичный», «злой» «человек», *баджэ* (лиса) «хитрый», «коварный человек» и др. Поскольку экспрессивность отражает «обработку» информации во внутреннем мире человека (зрительную, слуховую и т.п.), лексика с этим компонентом значения широко представлена в любом языке.

При этом можно выделить *эмотивно-оценочные имена-пейоративы* (*делэ* «дурак», *къуй* «лысый», *жакъэ* «косоротый»/«криворотый», *нащэ* «косоглазый», *нэшиъу* «слепой» и под.) и *эмотивно-оценочные имена-мелиоративы* (*дахэ* «красивый», *дэгъу* «хороший», *бланэ* «смелый», *гъур* «излишне сухощавый» и под.).

Использование ассоциативно-образных представлений об обозначаемых реалиях на основе *осознания вну-*

тренней формы слов - также продуктивный способ образования экспрессивно окрашенных слов в адыгейском языке, как и в русском: *гуйых* «ужас» (*гу* «сердце», *йыхы-н* «вынуть»), *лыблан* «герой» (*лы* «мужчина», *бланэ* «смелый»), *пцлыус* «лжец» (*пцлы* «ложь», *усы-н* «сочинять»), *гугъэжъужь* «отогревающий сердце» (*гу* «сердце», *гъэжъужь* «тот, кто оттаивает»), *хъачIэмаф* «гость, приносящий удачу, счастье» (*хъачIэ* «гость», *мафэ* «счастливый», «удачливый») и под.

К продуктивным моделям образования слов с оценочной коннотацией в структуре значения относятся *сложные слова*, характеризующиеся высокой повторяемостью анафор с эмотивно-оценочным компонентом, например, в антропонимах: *тхъа-* «бог» (*ТхъалI* - *тхъа-* «бог», *лы* «мужчина» - высокая оценка морально-нравственных качеств), это же экспрессивное значение несколько иначе выражено в антропониме *Тхъэгус* (*тхъа-* «бог» + *гу* «сердце» + *ис(э)* «душа»); *пцы-* «князь» (*Пцыун* - *пцы-* «князь» + *унэ* «дом», *ПцыхъачI* - *пцы-* «князь» + *хъачIэ* «гость» – указание на высокий социальный статус, благородное происхождение) и др. Эмотивно-оценочный компонент может быть выражен и в эпифоре. Чаще других используются *эпифоры*: *-кьо/кью* «сын», но при этом эмотивно-оценочный компонент может содержать и первая основа (*Пыикью* – *пыи-* «враг» + *кью* «сын», то есть «сын врага»); *-жъы>-жъь* «старший»/«старый» (*Пцыжъь* - *пцы-* «князь» + *жъ(ы)* «старый/старший», то есть «почитаемый»); *-шIу* «добрый», «хороший» (*ЛэжъошIу* – *лакьо* «род» + *шIу* «достойный», «хороший»; *ШIэошIу* - *шIао* «юноша» + *шIу* «хороший», «наделенный добрым нравом»); *-хъу* «мужского пола», используется не в прямом значении, а для выражения особой гордости и радости по поводу того, что родился мальчик-наследник, кормилец, а не девочка: *Иныхъу* (*ины-* «большой», значит «сильный», «здоровый» + *-хъу* - по-

вод для особой гордости: и *большой*, и *сын*); *-цIыкIу*: *ЛыцIыкIу* (*лы* «мужчина» + *-цIыкIу* «маленький» - носитель, являясь истинным мужчиной, был маленького роста; иногда такой высокой оценки удостоивается мальчик, проявивший истинно мужские качества). Здесь эмотивно-оценочный компонент значения заключается как в эпифоре, так и в анафоре.

Интересны наблюдения А.Н. Абрегова над особенностями семантики компонента *-хъу*, хотя не во всем можно с ним согласиться: «Для выражения экспрессии к словам, обозначающим лиц мужского пола, присоединяется компонент *-хъу* «самец», «мужской пол», «мужская особь». Ср.: *кIалэ* «юноша», «парень» и *кIэлэхъу* «добрый молодец» (возвышенно подчеркивается, что это лицо мужского пола)... Для передачи уничижительности к слову *кIэлэхъу* присоединяется суффиксированный элемент *-жъы*, в результате чего образуется слово *кIалэхъужь* «юноша с ярко выраженными мужскими наклонностями», «девочка с мужскими замашками» [4: 41-42].

Экспрессивность тесно связана с эмоциональной оценкой. Основным способом передачи *оценочной* коннотации, устанавливающей ценность или значение кого/чего-либо, и *эмоциональной*, связываемой с выражением чувств, волевых побуждений и др., в русском языке являются, наряду с отмеченными способами, *суффиксы субъективной оценки*. В адыгских языках суффиксальное словообразование непродуктивно. Отдельные суффиксальные образования отчетливо сохраняют семантические связи со сложными словами, поскольку некоторые суффиксы этимологически восходят к самостоятельным основам, выступавшим в качестве компонента сложных слов в общеадыгском языке [5: 53]. Поэтому способ оформления узуальной коннотации с помощью *суффиксов субъективной оценки* наименее продуктивен в адыгейском языке..

Не столь частотны суффиксы субъективной оценки **-жъый** («очень») «маленький» с уменьшительно-ласкательным значением [4: 73], например, *цыкълужъый* (*цыкълу-* «маленький», *-жъый* «очень»); он встречается и в структуре апеллятивов прозвищ, но чаще детского имени: *Къэрэжъый* (*Къэрэ-* «черный» (имя) + *-жъый* «маленький»), *Дэгужъый* (*Дэгуж-* «глухой» + *-жъый* «маленький»), возможно, обманное имя, данное ребенку, чтобы не привлекать внимание злых сил, ставшее прозвищем, позднее послужившим базой фамилии; суффикс увеличительности **-ихо/-шко**: *лышхо* (*лы-* «мужчина» + *-ихо* «большой» – подчеркивается сила, надежность, значительность или служит указанием на высокий социальный статус) и другой суффикс увеличительности или отрицательного признака **-хъу**: *нэхъу* «большеглазый», *пэхъу* «большеносый».

В современном адыгейском языке **-жъый**, **-ихо/-шко** как самостоятельные слова не употребляются, что позволяет отнести их к разряду аффиксов. Первый относится к непродуктивным и архаичным, второй – довольно продуктивен. Суффикс **-хъу** и именная основа *хъу* «лицо мужского пола», «самец» являются омонимичными [5: 74].

Для адыгских языков характерно преобразование сложных слов в аффиксальные, когда именная основа, теряя денотативное значение, становится средством передачи эмотивного компонента значения слова: «...некоторые именные словообразовательные суффиксы генетически восходят к самостоятельным основам, то есть суффиксация по происхождению в ряде случаев обязана словосложению» [5: 82].

Данное утверждение относится, по нашему мнению, к компоненту **-жъы>-жъ**. Именная основа **-жъы>-жъ** со значением «старый», «старший» трансформировалась в формообразующий суффикс субъективной оценки **-жъ**, который органично и естественно входил в имена-прозвища, поскольку они чаще всего выражали именно отношение, оценку члена-

ми социума морально-нравственных качеств данного индивида. При смене статуса именная основа **-жъы>-жъ**, естественно, утратила семы, составлявшие ядро значения, при этом актуализировались имплицитно содержащиеся в её структуре семы, выражавшие эмотивно-оценочный компонент значения, включавший в одних случаях позитивную, а в других – негативную оценку определяемого объекта, то есть формообразующий суффикс субъективной оценки **-жъ** является синкретичным по своей природе [6: 372].

Как суффиксальные образования можно рассматривать имена-пейоративы: *одыжъ* «тощий» (*оды-* «худой» + *-жъ* выражает оценочный компонент неодобрения), *тхъаклумэжъ* «ушастый» (*тхъаклумэ* «ухо» + *-жъ* – оценочный компонент неодобрения), *хъэдэныжъ* «тряпка» (*хъэдэн* «тряпка» + *-жъ*, усиливающий негативную оценку) и под. Финальный компонент не содержит в этих словах значения «старый»/ «старший», с помощью суффикса **-жъ** в структуру слова включается эмотивно-оценочный компонент неодобрения. Однако суффикс **-жъ** может входить и в структуру имен-мелиоративов, особенно при присоединении посессивных приставок типа **си-** «мой», **ти-** «наш»: *сичлэлэжъ* «мой сыночек», (суффикс **-жъ** выражает здесь сдержанную или нарочито грубоватую ласку, поскольку родителям предписывалась эмоциональная сдержанность в отношениях с детьми); *тиунэжъ* «наш дом» (**-жъ** выражает эмоции, связанные со понятием «родной»).

Таким образом, для передачи эмотивно-оценочного компонента значения каждый язык использует свои возможности и средства: русский язык – прежде всего богатый запас суффиксов субъективной оценки, арсенал же средств адыгейского языка несколько скромнее, что, вероятно, отражает и менталитет его носителей, в частности, присущую им эмоциональную сдержанность.

Примечания:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 608 с.
2. Харраш, Н.И., Гезайли Н. Коннотативная лексика как аспект лингвостилистического анализа художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Вып. 2 (121). 2013. С. 113 – 118.
3. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford University Press, 1992. 416 с.
4. Абрегов А.Н. Уменьшительно-ласкательные имена как результат намеренной фонетической трансформации апеллятивных образований // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VII Междунар. науч. конф. Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. С. 38-40.
5. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков / отв. ред. Н.З. Гаджиева. М.: Наука, 1989. 384 с.
6. Шеожева Б.А. Средства выражения коннотации в структуре адыгских антропонимов // Шеожева Б.А. Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы VII Международной научной конференции. – Майкоп: изд-во АГУ. 2010. С. 371 - 373.

References:

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M.: Sov. encyclopedia, 1967. 608 pp.
2. Kharrash N.I., Gezayli N. Connotative lexicon as aspect of the lingual-stylistic analysis of the fiction text // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and Art Criticism. Iss. 2 (121). 2013. P. 113-118.
3. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. Oxford University Press, 1992. 416 pp.
4. Abregov A.N. Affectionate diminutive names as a result of intended phonetic transformation of appellative formations // Problems of the general and regional onomastics: materials of the VII International scient. conf. Maikop: ASU Publishing house, 2010. P. 38-40.
5. Kumakhov M.A. Comparative historical grammar of the Adyghe (Circassian) languages / ed.-in-chief N.Z. Gadzhiev. M.: Nauka, 1989. 384 pp.
6. Sheozheva B.A. Means of expression of a connotation in structure of the Adyghe anthroponyms // Sheozheva B.A. Problems of the general and regional onomastics: Materials of the 7th International Sci. Conf. - Maikop: ASU Publishing House. 2010. P. 371-373.